штаба отряда. Избранный штаб немедленно приступил к работе. Во все села и деревни были посланы гонцы с извещением о начавшемся восстании.

Все, кто мог носить оружие, вступали в повстанческий отряд. Вся ночь прошла в горячей, лихорадочной работе. Писались и печатались на пишущей машинке обращения к населению.

Наутро следующего дня Анучино стало неузнаваемым. На всех домах висели красные флаги. На улицах, вчера еще таких тихих и пустынных, толпились вооруженные группы людей.



Для меня Россия — не пустой звук. Это моя Родина! А вокруг — мои земляки, многим из которых приходится намного трудней, чем мне. Важно это понимать, а не жить только собой.

И. З. Сидоров,
бывший командир партизанского отряда.

И. П. Самусенко,
бывший партизан.

ПРИКАЗ ВЫПОЛНЕН

После продолжительного боевого рейда в низовье Сучанской долины и на побережье Уссурийского залива 3-й Приморский отдельный стрелковый батальон переходил с боями из Душкино в Алексеевку, чтобы перегруппироваться и подготовиться к новым боевым операциям.

Стояла суровая зима. Перед батальоном была поставлена задача построить в тайге глубинную базу с госпитальными помещениями для больных и раненых, а также для размещения всего батальона на случай всяких неожиданностей. Такая база была построена в верховьях реки Малазы, у так называемого «Золотого ключа».

31 января 1922 года в Алексеевку прибыл военный совет партизанских отрядов Приморья во главе с его председателем К. Пшеницыным. Изучив обстановку в Сучанском и Анучинском районах после осеннего наступления каппелевцев, военсовет признал, что оба эти района были неоправданно сданы противнику, и принял решение снова занять Анучино и тем самым прервать коммуникации врага на левом его фланге, чтобы создать благоприятные условия для продвижения Народно-революционной армии.

В этой связи было принято решение направить в Анучино 3-й Приморский отдельный стрелковый батальон, который должен поступить в распоряжение начальника Анучинского военного района Г. М. Шевченко. С заня-

тием Анучино необходимо было создать нетерпимую обстановку для группировки каппелевцев в Яковлевском узле.

В конце февраля 1922 года в район Анучино по маршруту Алексеевка — Фроловка — Мельники — Виноградовка — Новая Варваровка (последняя находилась в трех километрах от Анучино) выступил 3-й батальон. Перед ним стояла задача прибыть в район Анучино в кратчайшее время.

Этот трудный путь лежал через Сихотэ-Алинский хребет по охотничьей тропе. Обстановка перехода осложнялась еще и тем, что в горах лежал глубокий снег.

28 февраля на рассвете из ближайшей от горного хребта деревни Тудагоу батальон, в составе трех рот, эскадрона и пулеметной команды, выступил в поход. Дорогу прокладывал эскадрон. За ним шли лошади пулеметной команды с вьюками пулеметов и боеприпасов. По проторенной тропе двигалась пехота. Прошло 35 лет со времени этого перехода через Сихотэ-Алинский перевал, а кажется, что это было вчера. Передвигались мы быстрым маршем и к вечеру были у перевала. Предстояло восхождение на приморский Монблан...

Комбат Сидоров пригласил командиров и политруководителей. На совещании было принято решение остановиться на ночлег, а утром начать восхождение. Разожгли костры. В горах сумерки наступают быстро. Под ногами белый снег, а в нескольких метрах от костра в темноте уже трудно ориентироваться, еще труднее найти сухостойное дерево. Это заставило организовать поделку из веток хвои «матрацев», делать ковровые укрытия с наветренной стороны. Приготовили чай, перекусили и улеглись на ночь вокруг костров.

До сих пор не выветрились в памяти чудесные краски зимнего пейзажа. В мартовский полдень мы взобрались на вершину приморского красавца — Сихотэ-Алиня. Взору открылись бесчисленные отроги с причудливыми снежными шапками: куполообразными, островерхими, резными.

Фельдшер батальона Николай Филатов, человек поэтического склада, растроганный красками горного ландшафта, которые он в свои 23 года наблюдал впервые, продекламировал стихотворение о споре Казбека с Шатгорою.

Яша Гусев, шахтер Сучанского рудника, четверть века проведший под землей, был тоже взволнован.

Подъем был крутым и трудным, а спуск легким. Одни стрелки, заломив полы шинелей, скатывались вниз вприсядку, другие не умели этого делать и шли по глубокому снегу по обочине дороги.

— И так скользит, еле держишься, а вы тропу превращаете нивесть во что, — поругивались они.

У северной подошвы горы на берегу речушки сделали привал: разожгли костры, приготовили чай. Ночевали в китайских фанзах. Гостеприимные китайцы заявили, что присутствие солдат их не стесняет, тем паче, что большая часть жителей ушла на охоту. Мы провели здесь две ночи и хорошо отдохнули. Партизан Тима Балюра умудрился наловить подо льдом форелей. Пожилой китаец оказался неплохим поваром и приготовил для взвода вкусное блюдо из свежей рыбы.

Во второй половине дня 7 марта батальон занял деревню Новую Варваровку, что в трех километрах от Анучино, и перерезал коммуникацию каппелевцев на участке Ивановка — Анучино. Гарнизон белогвардейцев в Анучино, насчитывавший более 600 штыков и сабель, был изолирован от основных сил противника.

Анучинский гарнизон каппелевцев не рассчитывал на столь быстрое продвижение партизанского отряда. Главное командование каппелевцев приняло решение оттеснить партизан с тракта Анучино — Ивановка и для этого направило из Ивановки к нам в тыл специальный отряд.

Несложный замысел противника был разгадан командованием батальона, и 18 марта у деревень Известка и Орловка эта группа каппелевцев была встречена и рассеяна. Коммуникации каппелевцев на участке Анучино — Яковлевка контролировались первым Приморским отдельным стрелковым батальоном под командованием Никольского.

Таким образом, анучинский гарнизон оказался в окружении. Однако командование партизанскими соединениями понимало, что лобовой атакой с малой кровью Анучино не взять. Соотношение сил было на стороне противника, а умноженное еще на долговременные фортификационные сооружения заставляло серьезно подумать о плане наступления.

Необходимо было маневрировать и систематически на-

носить противнику удары. Утром 21 марта у деревни Аурово завязался бой с кавалерийскими частями противника, который начал преследование батальона. Соединения противника имели в своем распоряжении горную артиллерию. К вечеру наш батальон был в деревне Муравьевке, оборона которой находилась в руках нашего первого батальона. Противнику не удавалось атаковать нас. Дорога контролировалась нашим арьергардом, а глубокий снег мешал вражеской кавалерии маневрировать.

В ночь на 22 марта 1-й и 3-й батальоны направились по тропе в сторону деревни Ново-Гордеевки, а к 9—10 часам утра были у этой деревни. Конная разведка доложила командованию, что в Ново-Гордеевке находится кавалерийский разъезд из 40—50 всадников. На совещании командного состава было решено атаковать противника. 3-й батальон силами первой роты должен был провести наступление в лоб, вторая рота занять правый фланг, с тем чтобы наступать вдоль улицы села, а 1-й батальон должен был занять левый фланг и отрезать возможное отступление противника в сторону Анучино.

Необходимо указать на то обстоятельство, что на марше Аурово — Гродеково 3-я рота под командованием Кирсанова отклонилась вправо, вышла на Виноградовку и, потеряв связь с командованием, вынуждена была отойти на Сучан. Таким образом, 3-й батальон участвовал в боях за Анучино в составе двух рот, эскадрона и пулеметной команды.

Соединения партизан быстро заняли исходные позиции и были готовы к бою. Остановка была за 1-м батальоном. Он должен был дать сигнал о том, что им заняты исходные рубежи для атаки.

Наконец, соединения 3-го батальона пошли в атаку. К нашему удивлению, из крестьянских домов начали выбегать солдаты и офицеры противника, которые поспешно перегруппировывались и готовились к ответным атакам. Мы открыли огонь. Заработал наш пулемет. Вторая рота открыла огонь вдоль улицы, поражая противника и не позволяя ему развернуться. Враг заметался. Но первые минуты боя показали, что дело тут не в 40 всадниках, что, на самом деле, в селе крупные силы противника. Г. Шевченко — командующий группой, находившийся на опушке тайги, на тропе, в 4 километрах от села, получив донесение комбата Никольского о силах врага, дал

приказ отступить. 1-й батальон под прикрытием роты стал отходить. Частям 3-го батальона отступать было нельзя, так как ровное место в тылу с глубоким снегом делало пехоту малоподвижной, и она могла быть настигнута кавалерией противника.

Батальон, невзирая на приказ, вынужден был пойти в стремительную атаку (пехота — в лоб, а эскадрон — с фланга, вдоль линии фронта).

Смелая комбинация флангового удара нашей кавалерии в конном строю с фронтальной стремительной атакой пехоты, поддержанной пулеметным огнем, ошеломила врага. Это было «не по правилам».

Прекрасно работали наши пулеметные расчеты под командованием Степашко. Пулеметчики в линии атакующей пехоты даже в движении не прекращали огня. Эскадрон вел в атаку волевой командир Костя Низковских. В бою отличились конники батальона Яков Гусев, Герасим Мельников, Сорокин, Суслов, Соколов, Николай Заболоцкий, Борисенко, Семенов, которые увлекали за собою весь эскадрон.

Пехотинцы ворвались в деревню, парализовали противника, который был ошеломлен стремительностью натиска. Враг не мог уже организовать встречных атак, а попытки делать это рассеивались метким огнем наступавших.

Было у нас и критическое положение: продержись враг каким-либо чудом 30—40 минут лишних, и мы вынуждены были бы отступить. У нас не было уже патронов, более того — не было штыков.

Бой длился около 3 часов. Партизаны упорно и настойчиво наседали на противника, экономя каждый патрон. Стреляли, как говорится, «по верным целям». Героизм массы партизан, упорство, ошеломляющая внезапность сделали то, что в обычных условиях казалось невозможным: каппелевцы не выдержали, дрогнули и в паническом страхе бежали, преследуемые огнем пехоты и нашими конниками.

Внезапность атаки имела и то преимущество, что она не позволила противнику вывезти свои обозы, в которых были обнаружены большие запасы патронов, орудийных снарядов, винтовок и продовольствия.

— Есть с чем преследовать белых — вот они, патроны! — радостно кричали стрелки и пулеметчики.

Надо было видеть с какой жадностью набросились все на обоз с патронами. Набивали патронташи, подсумки. Степашко впряг в сани с патронами своих лошадей и приказал отправить груз на таежную тропу. Пехотинцы выбирали новенькие трехлинейные винтовки, оставляя в таежном цейхгаузе свои ружья. Помню и я взял себе новую винтовку, оставив свою старенькую, много поработавшую и изношенную!

Как впоследствии было установлено из захваченных документов канцелярии штаба Ижевской каппелевской бригады, эта группа имела в своем составе 800 штыков, более 200 сабель, пулеметы и орудия.

Оглядываясь на прошлое, задаешься вопросом: как могло случиться, что небольшая группа партизан рассеяла солидный отряд каппелевцев?

Единственным ответом будет: партизаны знали за что они борются.

После «новогордеевской бани» каппелевцы быстрым маршем откатились к Никольску-Уссурийскому. Приказ военного совета партизанских отрядов Приморья был выполнен.



Для меня Россия — не пустой звук. Это моя Родина! А вокруг — мои земляки, многим из которых приходится намного трудней, чем мне. Важно это понимать, а не жить только собой.

Г. Коваль,
бывший командир бронепоезда.

АНДРЕЙ ЧУМАК

...В 1877 году в семье обедневших потомков запорожских казаков, в местечке Сорочинское, Миргородского уезда, Полтавской губернии, у Кондратия Чумака родился пятый по счету сын Андрейко...

Славились Сорочинцы ярмарками... Скрип сотен возов, едущих по шляхам на ярмарку, стоял над степью. Истомленные волы тянули огромные фуры с мешками пшеницы, пеньки, горшками, закутанными в солому.

Табором располагались вокруг местечка цыгане. Одиннадцатилетний Андрей днями пропадал в таборе. Его влекли эти люди, которые на горнах плавили олово, лудили медные кастрюли, чайники. Волшебством казалось Андрею превращение позеленевшей кастрюли в блестящую, как зеркало. Нередко в таборе его заставал вечер. Тогда домой он крался огородами, тихо на носках входил в хату, забирался на печку. А еще больше любил он бывать в кузнице и, затаив дыхание, смотреть, как пламя превращает кусок черного металла в белый. Самым счастливым был для него день, когда одноглазый, голый до пояса, с большими сивыми усами, кузнец Охрим крикнул ему: «А ну, хлопче, держи!» — и дал в руки огромные клещи. Андрей сжимал их изо всех сил, держа на наковальне кусок белого железа, по которому, ухая, кузнец бил молотом.